

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

САБЕЙСКИЙ ЧИНОВНИК И ДИПЛОМАТ III в. н. э.

Надпись Sh 31 стала известна меньше десяти лет назад, но уже имеет весьма сложную историю. Обнаруженная во время американских раскопок в Марибском храме сабейского бога луны 'Алмақаха — 'Авваме, она не была ни скопирована, ни сфотографирована участниками археологической экспедиции и осталась на месте раскопок, столь же неизвестная науке, как и раньше, когда была погребена под толстым слоем песка. Больше того, многочисленные путешественники, интересовавшиеся йеменскими древностями и побывавшие в последние 20 лет на месте раскопок (эти поездки принесли науке сведения о многих надписях, не скопированных американцами), также не заметили этого текста и не сфотографировали его.

Однако в 1961 г. йеменский ученый Ахмад Шарафаддин, активно и плодотворно занимающийся древностями Южной Аравии, опубликовал фотографию этой надписи без дешифровки и перевода.¹ Несмотря на плохое качество воспроизведения, текст сразу же вызвал значительный интерес. Уже в 1964 г. Г. Виссман широко использовал эту надпись² на основе предварительного неопубликованного чтения Ж. Рикманса. Данные Г. Виссмана были вскоре вновь рассмотрены Ф. Альтхаймом и Р. Штиль.³

Первую публикацию надписи, основывающуюся на фотографии, изданной в 1961 г. А. Шарафаддином, дал А. Жамм,⁴ однако ему удалось дешифровать только первые 18 строк. Более полное издание, в котором прочтены 26 строк, дал Ж. Рикманс в приложении к специальной статье Г. Виссмана, посвященной анализу географических данных этого текста.⁵

В 1968 г. автор получил от научного сотрудника Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР А. И. Михайловой фотографию двух сабейских надписей, купленную в Сан'а у уличного фотографа. Вскоре удалось установить, что эта фотография идентична изданной А. Шарафаддином;⁶ однако она читается несколько лучше, чем воспроизведение, благодаря чему удалось дешифровать еще несколько строк и

¹ A. Sharafaddin. Yemen. Ta'iz, 1961, p. 44, внизу справа. Лишь в 1967 г. он же издал надпись с переводом и комментарием: A. Sharafaddin. Tarih al-Yaman at-Taqafi, III. Ta'iz, 1967, p. 87—88: Sh 31.

² H. von Wissmann. Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien. Sammlung E. Glaser, III. SBAW, 246, Wien, 1964, p. 191—194.

³ F. Altheim und R. Stiehl. Die Araber in der Alten Welt, IV. Berlin, 1967, S. 279—283.

⁴ A. Jammé. A propos des rois ḥāḍramoutiques de al-'Uqlah. Washington, 1965, p. 50—52.

⁵ H. von Wissmann. Zur Kenntniss von Ostarabien, besonders al-Qatīf, im Altertum. Le Muséon, 80, 1967, p. 489—508; Appendice, par J. Ryckmans, p. 508—512.

⁶ Это несомненно отпечаток с того же негатива. На нашем отпечатке правый верхний угол срезан несколько больше (на 3—4 знака), чем на фотографии, опубликованной А. Шарафаддином.

выяснить спорное чтение некоторых имен. В настоящее время надпись читается практически целиком; небольшие лакуны в строках 27—32, хотя и не поддаются надежному восстановлению, явно не содержат сколько-нибудь значительной новой информации. Отсутствуют только две-три строки в начале текста, содержавшие полное имя автора надписи и его титулатуру.

Исследуемая надпись представляет собой обычный для II—III вв. н. э. посвященный текст из Марибского храма 'Алмақаха; она почти целиком составлена из стандартных формул, переходящих в неизменном виде (или с минимальными изменениями) из надписи в надпись и лишь по-иному комбинируемых в каждом тексте. В ней даже отсутствует довольно частый в подобных надписях «свободный текст», вводимый частицами *g'*, *kr'* и т. п.,⁷ дающий несколько больший простор фантазии автора. Это значительно облегчает интерпретацию надписи: настолько, что Ж. Рикманс даже счел излишним снабдить свое издание полным переводом.

Учитывая, что в советской литературе имеется лишь небольшое число изданий южноаравийских надписей, а издания больших votивных текстов вообще отсутствуют, автор решил дать полный перевод надписи, но отказаться от обычного комментария, ограничившись лишь примечаниями в самых необходимых случаях.

Sh 31

1. ny/'lmqhthwnb'l]l'wm/šlmn/ddh
2. bn/dšft]hw/hmdm/bdt/hmrhw/'
3. tw/bn/dshrtm/bwfym/wmhrgtm
4. wsbym/wğnmmb/kl/sb't/šw'w
5. mr'hmw/šmr/yhr'š/mlk/sb'/wd
6. rydn/wħdrmwt/wymnt/wħmdm/b
7. dt/'tw/bwfym/bkn/blthw/mr'
8. hw/šmr/yhr'š/b'br/mlkm/bn/k
9. 'bm/mlkl'sd/wsb'/tty/sb'ty

[посвятил 'Алмақаху, Сахвану, госпо- ду] 'Аввама, бронзовую статую, которую он обещал в благодар- ность за то, что он даровал ему воз- вратиться из зу-Сахартама в бла- гополучии, и с победой,⁸ и с пленными, и с добычей во всех походах, в которых они сопровож- дали господина их, Шамира Йухар'иша, царя Саба' и зу- Райдана и Хадрамаута и Йаманата, и в благодарность за то, что он благополучно возвра- тился, когда послал⁹ его господин его, Шамир Йухар'иш, к Малика- му, сыну Ка'бама,¹⁰ царю 'Асад. И он совер- шил два путешествия,

⁷ См.: Я. Б. Г р у н т ф е с т. Глагол в южноаравийском языке. Л., 1966, с. 5.

⁸ mhrgt — мн. число от mhrg, абстрактного имени типа mf'l (см.: А. Ф. Л. В е е s t o n. A descriptive grammar of epigraphic South Arabian. London, 1962, p. 28; Г. М. Б а у э р. Язык южноаравийской письменности. М., 1966, с. 45) от корня hrg «убивать» со значением «убийство, битва», откуда дальнейшее «победа», ясно вытекающее из контекста надписи. Ср. переводы Г. Рикманса — massacre (Ru 538, 18: G. R u s k m a n s. Inscriptions sud-arabes, 14 série. Le Muséon, 69, 1956, p. 375) и А. Жамма — war trophy (A. J a m m e. Sabaeen inscriptions from Maḥram Bilqis. Baltimore, 1962, p. 439).

⁹ Этот раздел подробно исследовал Ж. Рикманс, который убедительно показал, что речь идет не о военном походе, а о мирной дипломатической миссии: J. R u s k m a n s. Appendice, p. 510—512.

¹⁰ Наша фотография позволяет уверенно прочесть патроним царя 'Асад — Ка'бам, как и последующие географические названия: q'w'f — Катва'иф и kwk — Каук, вызывавшие многочисленные разногласия и сомнения (ср.: Н. W i s s m a n n. Zur Kenntniss, p. 489—490).

10. n/wwz'/mz'/'dy/qṭw'f/wkwk/m
11. mlkty/frs/w'rd/tnḥ/wḥmrh
12. w'/lmqh/'tw/bwfym/whfšḥn/b
13. n/kl/dblthw/mr'hw/wḥmdm/b
14. dt/'tw/bwfym/bn/hgrn/š'dt
15. m/b'rd/hwln/bkn/wqhhw/mr'
16. hw/šmr/yhr'š/l'qb/bhw/'rb't
17. ḥryftm/wḥmrhw/'lmqh/'brq
18. šdqm/wslmm/bkl/hryft/'qb/b
19. ḥw/wlwz'/'lmqh/šrh/wmt'n
20. 'bdhw/rymn/dḥzfrm/w'nnn
21. bn/b'stm/wnkyt/wmrd/sw'm
22. wšsy/šn'n/wlḥmrhmw/hzy/w
23. rdw/'mr'hmw/'mlk/sb'w
24. ḏrydn/w'tw/bn/.. krt/mṭwt
25. m/lšb't/w'šry?'wrḥm/wmṭwt
26. m/lṭṭy/'wrḥm/wstwfy/bn/ḥr
27. ...bqdmḥw/wb'dhw/w
28. ...w'tw/bw
29. fym/wlḥmrhmw/'tṣrm/w'qlm

и продолжал двигаться до Қатва'-ифа и Каука, двух владений Персии, и (до) земли Танух. И даровал ему 'Алмақах возвратиться в благополучии и безопасности (?)¹¹ из всех (миссий), в которые послал его господин его. И в благодарность за то, что он возвратился в благополучии из города Са'дат-ам в земле Хавлан, когда назначил его господин его, Шамир Йухар'иш, чтобы он управлял в нем четыре года. И даровал ему 'Алмақах урожайные сезоны¹² и мир во все годы, когда он управлял в нем. И чтобы продолжал 'Алмақах оберегать и сохранять¹³ раба своего, Раймана зу-Хазфарам и 'Инанан, от зла, и несчастья, и тягостной болезни, и от дурного глаза. И чтобы даровал им ('Алмақах) милость и благоволение господ их, царей Саба' и зу-Райдана. И он возвратился из .. карат, из похода¹⁴ в двадцать семь месяцев, и из похода в тридцать месяцев, и был сохранен от. . .

.. до этого и после этого. И .. И он возвратился в благополучии. И чтобы даровал ему ('Алмақах) [хорошие] плоды и фрукты

¹¹ Глагол *hšḥ* встречается лишь в хадрамаутской надписи RES 5036, 1 в неясном контексте; этимология его также неясна. Однако ни А. Жамм, ни Ж. Рикманс не дают никакого комментария к этому слову. По контексту *hšḥ* представляет собой синоним к *wḥm* — «благополучие», на чем и основан наш предположительный перевод «безопасность».

¹² Термин *brq* означает «время года, сезон», в первую очередь дождливый сезон, наиболее важный для земледельцев; *šdq* — «правильный, справедливый». Все выражение имеет в виду своевременно наступающие и достаточно обильные дождливые периоды, обеспечивающие хорошие урожаи. Ср. перевод Ж. Рикманса: «bonnes pluies orageuses» (J. R u s k m a n s. *Nimyaritica II. Le Muséon*, 79, 1966, p. 479).

¹³ Формула довольно редкая в надписях. См.: Ja 644, 12; 751, 5, 10—11; RES 4139, 7.

¹⁴ Корень *mṭw* в других семитских языках имеет значение «приходить, прибывать» (см. W. W. Müller. *Die Wurzeln Mediae und Tertiae Y/W im Altsüdarabischen*. Tübingen, 1962, S. 102). В сабейских надписях производные этого корня обычно встречаются в сочетании с терминами *sb'* — «совершать поход» и *qb'* — «вести войну» (см.: СИН 397; RES 4138; Ja 635). По-видимому, *mṭwt* — какое-то мероприятие военного характера, но точный смысл термина неясен.

30. [šdqm]... 'lmqhb' l'wmtw[r... ... 'Алмақах, господь 'Аввама, Савр...
 31. ... šmshmw/khlm/wb ... и солнце их Кахалам. И во [имя]
 32.

Надпись Sh 31, как мы видели, многократно исследована; эти исследования достаточно полно и точно выявили богатые сведения по истории и исторической географии Центральной и Южной Аравии, содержащиеся в ней. Наше чтение лишь подтверждает идентификацию географических названий, предложенную Г. Виссманом, и их локализацию в районе современного Бахрейна.¹⁵ Подтверждается и важнейший вывод Г. Виссмана о местонахождении государственного образования («царства») северо-арабского племени 'Асад и о его существовании уже в начале III в. н. э.

Однако события, описанные в надписи Sh 31, предстают перед нами в ином свете после публикации текста Ja 2110.¹⁶ Эту надпись, также происходящую из американских раскопок 'Аввама, постигла судьба, аналогичная судьбе Sh 31. Она стала известна науке лишь в 1968 г., когда камень с надписью был вывезен из Мариба неизвестными лицами и попал в музей в Адене. Ja 2110 сообщает о таком же посольстве к царю 'Асад ал-Харису, сыну Ка'ба,¹⁷ несомненно брату Малика, сына Ка'ба, упомянутого в Sh 31. Миссия была отправлена сабейскими царями 'Илшарахом Йахдубом II и его братом Йа'зилем Баййином, современниками и соперниками Шамира Йухар'иша.¹⁸

Эти данные являются решающими не только для датировки надписи Sh 31, но и для понимания многих событий сложной и запутанной политической ситуации в Южной Аравии II—III вв. Прежде всего становится очевидным, что Шамира Йухар'иша, «царя Саба' и зу-Райдана и Хадрамаута и Йаманата», упомянутого в Sh 31, следует отождествлять не с Шамиром II (III), правившим в конце III в.,¹⁹ а с Шамиром I (II), современником 'Илшараха и Йа'зила. Следовательно, подтверждается высказанное нами предположение, что уже Шамир I (II) принял «длинный» титул.²⁰

¹⁵ См.: Н. W i s s m a n. Zur Kentniss. . . , p. 489—508.

¹⁶ D. B. D o e and A. J a m m e. New sabaean inscriptions from South Arabia. JRAS, 1968, p. 15—16.

¹⁷ В этой надписи весьма интересно описание политической ситуации в Северной Аравии к середине III в.: bkn/hbkt/b'br/'mlk/s'mt/'lhrt/bn/k'bm/mlk'sd/wmlkm/bn/bd/mlk/kdt/wmdhgm/wdbn/'rbn — «когда послал его послом к царям севера — ал-Харису, сыну Ка'бама, царю 'Асад, и Маликаму, сыну Бада, царю Кинда и Мазхидж, и к [некоторым] из арабов». Слова dbn/'rbn, видимо, не относятся к титулу Малика ибн Бада и обозначают мелких арабских шейхов, посещение которых входило в задачи миссии. Таким образом, в Восточной Аравии выделяются два значительных государственных образования — «царство» 'Асад и «царство» Кинда и Мазхидж — и мелкие независимые племена. Контекст, в противоположность утверждениям А. Жамма (D o e D. B. and A. J a m m e. New sabaean inscriptions. . . , p. 16), убедительно показывает, что термин š'mt в сабейских надписях значит «север» (как и в других семитских языках) и обозначает области Северной и Центральной Аравии, не входящие в зону распространения древнейшей цивилизации. Надпись не оставляет никаких сомнений в справедливости идентификации Кинда, Мазхидж и 'Асад с известными североарабскими племенами.

¹⁸ См., например: А. Г. Л у н д и н. Дополнения к списку сабейских эпонимов. ВДИ, 1966, № 3, с. 88—91; J. R u s k m a n s. La chronologie des rois de Saba et du-Raydan. Istanbul, 1964, p. 16—22; J. P i r e n n e. De la chronologie des inscriptions sud-arabes après la fouille du temple de Marib. BIOR, XXVI, 1969, p. 306—309. Г. Рикманс разделяет Шамира I и II; Г. Виссман и Ж. Пиренн называют этих же правителей соответственно Шамир II и Шамир III.

¹⁹ См., например: J. R u s k m a n s. La chronologie. . . , p. 19; Н. von W i s s m a n n. Zur Archäologie und antiken Geographie von Südarabien. Istanbul, 1968, p. 13.

²⁰ См.: А. Г. Л у н д и н, ВДИ, № 3, 1965, с. 205.

Палеографическое исследование надписей Шамира I (II) и II (III), проделанное недавно Ж. Пиренн,²¹ привело ее к аналогичным выводам. Она выделяет в согласии с Г. Виссманом Шамира I, засвидетельствованного надписью СИН 353 (фиг. 5С), Шамира II, современника 'Илшараха (фиг. 5А), Шамира III, правившего в конце III в. (фиг. 5Е), и — сверх того — еще одного Шамира, носившего вначале «краткий», а затем «длинный» титул (фиг. 5В). Однако для последнего она оставляет открытым вопрос о возможности идентификации с Шамиром II, ограничиваясь лишь утверждением о невозможности отождествления с Шамиром III.²² По нашему мнению, идентичность Шамиров, упоминаемых в надписях групп А и В, несомненно доказывается именами эпонимов в надписях СИН 430 (группа В) и Ja 563.²³

Таким образом выясняется, что все надписи из Марибского храма, вне зависимости от титула, относятся к Шамиру I (II), современнику 'Илшараха, тогда как Шамир II (III) вообще не упоминается в известных надписях из Мариба. Более того, Шамир II (III) ни в одной из известных нам надписей не носит «длинного» титула, который принял уже Шамир I (II) за 70 лет до него. Надпись из ал-Мосна⁴, недавно изданная Дж. Гарбини, свидетельствует, что хымьяритский царь Са'ран Йухан'им еще в 320 г. носил краткий титул «царя Саба' и зу-Райдана».²⁴ Следовательно, «длинный» и «краткий» титулы употреблялись сабейскими и хымьяритскими царями синхронно на протяжении более ста лет, и переход от «краткого» к «длинному» титулу представлял собой столь же долгий и сложный процесс, как и переход от титула «царь Саба'» к титулу «царь Саба' и зу-Райдана» в I—II вв.

О событиях царствования Шамира Йухар'иша I (II) мы имеем следующие данные: он сменил в Марибе царя Саба' и зу-Райдана Ша'ра 'Автара между 206 и 209 гг. и был изгнан оттуда 'Илшарахом II и Йа'зилем между 209 и 212 гг. (по-видимому, в 212 г.). Однако Шамир продолжал царствовать 'минимум до 216 г.²⁵

Исследование Ж. Пиренн и надпись Sh 31 показывают, что Шамир принял «длинный» титул еще в то время, когда он владел Марибом; число надписей Шамира с «длинным» и с «кратким» титулом, найденных в Марибе, примерно одинаково; следовательно, принятие «длинного» титула можно датировать серединой его правления в Марибе — около 210 г. Таким образом, мы можем датировать написание надписи Sh 31 в очень узких пределах — между 210 и 212 гг.

Интересно отметить, что титул правителя, даже в тот момент, когда он только вводится, не отражает реального объема власти. Так, Шамир I (II) принимает широкозначительный титул «царя Саба' и зу-Райдана и Хадрамаута и Йаманата»,²⁶ обозначающий претензии на власть над всей Южной Аравией, вероятно, после какого-то временного успеха, но в такой период, когда не только существует самостоятельное хадрамаутское государство, но и внутри Саба' Шамир ведет ожесточенную борьбу с 'Илшарахом и Йа'зилем за гегемонию и даже за обладание традиционной столицей — Марибом. Всего через два-три года Шамир лишается значи-

²¹ J. P i r e n n e. De la chronologie. . . , p. 303—311.

²² Там же, с. 309 и фиг. 5.

²³ К сожалению, Ж. Пиренн не дает палеографического определения последнего текста, но по титулу он относится к группе А. Отметим, что надпись Sh 31 по титулу следует отнести к группе В, а по палеографии (форма знаков t и f) — к группе А.

²⁴ M. a l-I g u a n i — G. G a r b i n i. A sabaeen rock-engraved inscription at Mosna'. Annali dell'Istituto Orientale di Napoli, v. 30, 1970, p. 405—408.

²⁵ Надпись СИН 430, упоминающая Шамира, датируется 216—217 гг., см.: А. Г. Л у н д и н. Дополнения. . . , с. 90.

²⁶ Причем делает это, видимо, впервые в истории Южной Аравии; во всяком случае более ранние правители с таким титулом нам до сих пор неизвестны.

тельной доли владений и власти, но сохраняет титул и, по-видимому, связанные с ним претензии. В то же время победители 'Илшарах и Йа'зил продолжают довольствоваться скромным титулом «царя Саба' и зу-Райдана».

Сопоставление надписей Sh 31 и Ja 2110 открывает еще одну чрезвычайно интересную страницу борьбы между 'Илшарахом и Шамиром: эта борьба не ограничивалась территорией Южной Аравии, а в какой-то мере распространилась на северо-восток полуострова и вовлекла в свою орбиту североарабские племена. К ним обращаются обе враждующие стороны, по-видимому, стремясь заручиться их поддержкой или парализовать возможную угрозу нападения. В конечном счете борьба, несомненно, велась за влияние и контроль над важнейшим торговым путем, соединявшим Южную Аравию и Месопотамию через Бахрейн и ал-Ғаиф.

Посольство Раймана предстает перед нами не как единичное и изолированное событие, не как редкая экспедиция в далекие и неизвестные края, а как обычный дипломатический акт из серии ему подобных. Недаром Райман совершил, видимо в короткое время, две такие поездки. Они свидетельствуют о хорошем знакомстве народов Южной Аравии не только с районами и населением Северо-Восточной Аравии и, возможно, прилегающих территорий Сасанидского Ирана, но и с конкретной политической обстановкой в этих областях, об интенсивных налаженных связях.

Такие контакты не могли быть односторонними: племена и оазисы Северо-Восточной Аравии также, вероятно, были хорошо знакомы с областями Южной Аравии и связаны с ними тесными нитями торговых и политических сношений. Об этом говорят, в частности, многочисленные упоминания в хадрамаутских надписях из ал-'Уклы не только членов племени 'Асад (Ja 939, 957, 962), но даже, по-видимому, и членов племени Ғурайш (Ja 919).²⁷

Вероятно, эти оживленные сношения позволяют по-новому поставить вопрос о социальных и общественных отношениях в Северной Аравии этого периода: нам известно теперь о существовании уже в конце II—начале III в. на этих территориях стабильных политических объединений ('Асад, Кинда и Маххидж, Танух), просуществовавших до V—VI вв., видимо, уже заслуживающих названия государства, о каком-то социальном расслоении внутри этих государств (Ru 535=Ja 576, 2: 'kbrt / kdt — «вельможи Кинда»), т. е. о значительно более высоком уровне социальных отношений и общественной организации, чем это предполагалось до сих пор на основании анализа североарабских письменных памятников мусульманского времени.

Выясняется, что североарабские источники довольно плохо осведомлены о событиях этого периода. Так, в них не удается обнаружить упоминаний ни царей 'Асад — Малика ибн Ка'ба и его брата ал-Хариса ибн Ка'ба, ни царя Кинда Малика ибн Бада, ни других персонажей североарабской истории II—III вв., известных сейчас по южноарабским надписям. Видимо, установка арабских филологов VIII в., записывавших предания и стихи бедуинов как образцы «чистого» арабского языка, привела к тому, что вне их поля зрения остались легенды и предания жителей более развитых экономически и социально областей Северной и Центральной Аравии — жителей оазисов и городов. Это сильно исказило историческую картину и до сих пор рисует исследователям доисламскую Северную и Центральную Аравию более отсталой и архаичной, чем она была в действительности.

Надпись Sh 31 дает богатый материал для изучения важного вопроса истории культуры древнего Йемена — для всесторонней характеристики

²⁷ См.: A. J a m m e. The Al-'Uqlah texts. Washington, 1963.

ее автора, типичного царского слуги и представителя сабейской знати начала III в. С этой точки зрения текст ее еще совершенно не исследован.

К сожалению, остаются неизвестными первые строки, содержавшие полное имя и титул автора, которые позволили бы полнее характеризовать его положение в государственном аппарате и социальной иерархии. Известно лишь его первое имя и родо-племенная принадлежность: «Райман зу-Хазфарам и 'Инанан». Он принадлежал, следовательно, к стариннейшему и знатнейшему сабейскому роду Хазфарам, засвидетельствованному в древнейших сабейских надписях. Это один из трех родов общесабейских эпонимов, с незапамятных времен возглавлявший племя Халил, одно из шести «племен совета старейшин» Сабейского государства.²⁸ Правда, к III в. сабейский совет старейшин уже давно перестал функционировать и «племена совета» потеряли свое прежнее значение; выдвинулись новые «племена» (Сухайм, Хамдан, Бата' и др.), игравшие первые роли в сабейской истории I—III вв. Таким образом, можно говорить о знатности Раймана, но степень его богатства и политического могущества остается неясной.

Титул Раймана неизвестен, но его личное положение может охарактеризовать глагол 'qb — «править, управлять», примененный для обозначения его деятельности в городах Са'дат. Термин довольно часто встречается в надписях II—III вв. применительно к городам Са'дат (Ja 2109, 6—7), Наджрану (Ja 577, 10, 13) или Нашку (Ja 619, 2—3), т. е. к крупнейшим городам Южной Аравии. Во всех этих случаях он обозначает наместника, т. е. правителя, поставленного центральной властью (царем) и зависимого от царя. Надпись Sh 31 показывает, что такие наместники назначались на неопределенный срок и сменялись царем. По-видимому, такая система управления была широко распространена в Химьяритском государстве, особенно в его северных районах. Ж. Рикманс отмечает, что этот же титул носил правитель (тогда уже наследственный) Наджрана еще в эпоху Мухаммада,²⁹ т. е. через несколько десятилетий после распада Химьяритского государства.

Пост наместника Са'дат, который занимал Райман, можно считать весьма высоким и соответствующим его знатному происхождению. Так, вскоре после Раймана, уже при 'Илшарахе II, на этом посту находился некий Рабибнасурм 'Ахваш из Бата' (Ja 2109), представитель одного из крупнейших и могущественнейших племен Южной Аравии того времени; его представители неоднократно становились даже сабейскими царями. Сам Рабибнасурм имеет собственных «чиновников» (mqtwy — Ja 2113).³⁰ По-видимому, и другие поручения, которые выполнял Райман (например, посольства в Восточную Аравию), свидетельствуют о его высоком положении.

Племенная принадлежность позволяет определить место происхождения Раймана — район 'Архаба³¹ или Хавлана,³² т. е., вероятно, тот район, в котором продолжал править Шамир Йухар'иш I (II) после изгнания из Мариба. Далее мы увидим, что Шамир, вероятно, владел этим районом

²⁸ См.: А. Г. Лундин. 1) Государство мукаррибов Саба' (Сабейский эпонимат). Л., 1968, с. 10, 13—15, 31—32; 2) К возникновению государственной организации в Южной Аравии. Палест. сборник, вып. 17 (80), 1967, с. 55—56.

²⁹ J. R u c k m a n s. Himyaritica II. Le Muséon, 79, 1966, p. 471, 8; M. R o d i n s o n. Annuaire 1969/1970 d'École Pratique des Hautes Etudes, IV section. Paris, 1970, p. 175—176.

³⁰ Таких «чиновников» имели только цари и самые крупные представители сабейской знати. Виднейшие сабейские қайли в III в. называют себя mqtwy царя.

³¹ См.: Н. W i s s m a n n. Zur Geschichte. . ., S. 301; А. Г. Лундин. Государство мукаррибов Саба', с. 5.

³² См.: G l 913₁; 1533₂, 17; M. H ö f n e r. Inschriften aus Širwāh, Ḥaulān. Sammlung E. Glaser, VIII. SBAW, Bd. 291, Wien, 1973.

и в то время, когда в Марибе правил его предшественник Ша'р 'Автар; это позволяет говорить о старых и тесных связях между Райманом и Шамиром, хотя характер этих связей остается неясным.

Насколько можно судить, деятельность Раймана совершенно не связана с районом, откуда он происходит. Места его службы очень разнообразны: служебные обязанности и воля царя бросают его то в область зу-Сахартам на берегу Красного моря,³³ где в это время идет война между Шамиром и царями 'Илшарахом и Йа'зилем, то в далекую Восточную Аравию, в страну Танух и оазис Қатиф, то в город Са'дат в земле Хавлан юго-западнее Наджрана, то, по-видимому, еще и в другие районы, не названные в тексте. Да и сама надпись Sh 31 была поставлена в Марибе, а не в родном для Раймана 'Архабе. Райман предстает перед нами как типичный царский чиновник, полностью зависимый от царя и выполняющий все его приказания и поручения.

Функции, которые он при этом выполняет, отличаются большим разнообразием: это и военная служба — участие в походах царя, и дипломатические миссии к царям и шейхам Восточной Аравии, и административные обязанности наместника в Са'дат, и какие-то другие поездки, не вполне ясные для нас (m!wt). По-видимому, обязанности наместника были достаточно широкими, включая заботы об урожае, обязанности по обороне наместничества и поддержанию в нем порядка и покорности по отношению к царю, вероятно, сбор налогов и отправление суда.

Деятельность, описанная в надписи, заполняет всю жизнь Раймана: четырехлетнее наместничество в Са'дат, две неясные экспедиции по два с половиной года, двукратное посольство в Восточную Аравию, продолжительность которого не указана (но, несомненно, оно потребовало значительного времени), и, наконец, походы царя, о которых надпись упоминает уже совсем мимоходом. В общей сложности упоминаемые события, вероятно, заняли не меньше 15 лет. Служба Раймана началась, таким образом, около 190—195 г.; видимо, к этому же времени нужно отнести и начало правления Шамира I (II). Не менее 10—15 лет Шамир был лишь «провинциальным царем», подчиненным сабейскому царю Мариба Ша'ру 'Автарау. К сожалению, неясно, соблюдал ли Райман хронологическую последовательность при перечислении событий в своей надписи: военные действия в зу-Сахартам, с которых начинается текст, вряд ли можно отнести к началу правления Шамира.

Непрестанные поездки и поручения, бросавшие Раймана по всей Аравии и на долгие годы отрывавшие его от родины, вряд ли могли позволить ему вести собственное земледельческое хозяйство. Можно предположить, что Райман зу-Хазфарам, несмотря на свое высокое положение и знатное происхождение, вряд ли имел значительные земельные владения; по-видимому, основным источником его доходов было царское жалование или кормление, а не собственное хозяйство.³⁴ Вероятно, именно отсутствие достаточно крупных земельных владений делало Раймана целиком зависимым от царя. О такой зависимости говорит включение в надпись моления о «милости и благоволении господ их, царей Саба' и зу-Райдана» (строки 22—24), довольно редкого в текстах.³⁵ Это позволяет сделать вывод о существовании в Южной Аравии II—IV вв. слоя служилой знати,

³³ Н. von Wissmann. *Nimyar. Ancient History. Le Museon*, 77, 1964, p. 473, fig. 6.

³⁴ Хотя, вероятно, какие-то земли Райман все же имел; во всяком случае надпись содержит просьбу о хорошем урожае плодов и фруктов (строки 29—30).

³⁵ Ср. лишь Ja 569, 733, 736, 747, 753. Отметим, что во всех этих надписях применено выражение 'mlk/sb', а не 'mlk/sb'/wdrydn, как в исследуемом тексте.

связанной с царем и целиком зависящей от него. Такая знать, по-видимому, и являлась непосредственной опорой царей.

Обязанности, которые выполнял Райман, были очень обременительны и часто просто опасны. Так, надпись Ja 2110 поставлена во исполнение обета, данного во время аналогичной дипломатической поездки к царю 'Асад, когда автор ее «страдал от жажды три дня и две ночи»; ³⁶ в надписи Ja 2109 жена возносит благодарность богу за благополучное возвращение мужа с наместничества в Са'дат.

Можно отметить, что Райман зу-Хазфарам, всю жизнь живший этой беспокойной, бродячей, полной лишений и опасностей жизнью, видимо, не испытывал к ней ни малейшего влечения. Недаром он ничего не говорит о своем участии в войнах (исключая совершенно стандартную фразу о возвращении в благополучии, с победой и добычей), скрупулезно высчитывает продолжительность своих поездок — 27 месяцев, а не два или два с четвертью года, даже 30 месяцев, а не два с половиной года. Недаром, говоря о своем наместничестве, он с удовлетворением отмечает, что весь срок прошел мирно и благополучно, без войн и осложнений (событие, вероятно, крайне редкое в этот период ожесточенной борьбы нескольких династий). Второй момент, который он выделяет — 'brq /sđqm («урожайные сезоны»), — также носит совершенно мирный характер.

Исследуемая надпись, при всей своей стандартности и лаконичности, при полном отсутствии эмоциональной окраски текста, очень скудными средствами, но выразительно рисует живую фигуру автора. Перед нами отчетливо встает Райман зу-Хазфарам — мирный человек и заботливый хозяин, старый служака, посвятивший жизнь царской службе и безотказно (хотя, может быть, неохотно и с ропотом) тянущий свою лямку, куда бы ни забросило его царское повеление, хотя, по-видимому, все эти бесконечные путешествия, походы и переезды, военные опасности и дорожные тяготы совсем ему не по душе. Это яркая и своеобразная личность, но одновременно типичный царский чиновник, представитель служилой знати в Сабейском государстве конца II—начала III в.

Даже такие живые, непосредственные сведения можно получить из сухого и официального источника, как до предела стандартизованный эпиграфический памятник, при должном внимании к вопросам истории культуры, к судьбе автора надписи.

A. G. Lundin

A SABAEAN OFFICIAL AND DIPLOMAT OF THE 3RD CENTURY A. D.

The article contains the text and translation of the inscription Sh 31 after a new photograph which virtually makes it possible to read it completely. This inscription is important for the reconstruction of the struggle between the Sabaean Kings Šamir and 'Išaraḥ in the beginning of the 3rd century A. D., and contains evidence of the coexistence of a «long» and a «short» title of the Sabaean Kings all through the 3rd century, and of the North Arabian Kingdoms Asad and Kinda and their contacts with South Arabia.

³⁶ D. B. Doe and A. J a m m e. New sabaean inscriptions... p. 15.

The personality of the author of the inscription, Raiman du-Ḥazfaram, representing the ancient Sabaeen nobility, a servant of King Šamir, is especially interesting. He undertakes the most different missions, taking part in the wars and in diplomatic embassies, governing a distant region, accompanying the King, collecting taxes and taking care of the year's crop. His duties compel him to rush to different parts of Arabia from the Red Sea to the frontiers of Iran; these duties have taken the greater part of his life; the text describes the events of some 15 or 20 years of service. It seems, we can thus deduce from the text the existence of a social group of royal servants, completely dependant on the king.

Even the disposition of the temper of Raiman is felt in the inscription: he was evidently a peaceful man, a careful master, a loyal and unflinching but somewhat peevish servant.
